

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА*

Е.В. Талыбина, Е.В. Полякова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье предпринимается попытка проанализировать психологические основы жеста как разновидности невербальной коммуникации, а также ее взаимосвязь с языком, речью и мышлением.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, мимика, жестикация, знаковая система, семантика, коммуникативная задача, вербальные языковые формы, поведенческие нормы, внутренняя речь.

Говоря о природе невербальной коммуникации, прежде всего необходимо сказать о том, что для исследователей, занимающихся данной проблематикой, интерес представляет вопрос о связи невербальных средств выражения смысла с формами естественного языка, а также с процессами мышления.

Исходя из многочисленных работ в области психологии и философии языка, можно синтезировать две основные исходные позиции: первая — невербальная коммуникация не может осуществляться вне форм естественного языка; вторая — невербальная коммуникация есть принципиально иная материя, нежели вербальные языковые формы, и поэтому может существовать в полной независимости от естественного языка. Наряду с возможностью существования данных полярных точек зрения на невербальные средства выражения смысла не подлежит сомнению, что язык и мышление находятся в тесной связи, также как аналогичную связь устанавливают невербальные средства коммуникации и мышление. Однако абсолютная аналогия подходов к решению вопросов о связи языка и мышления, мышления и невербальных средств, что представляется нам интересным для выявления отношений вербальных и невербальных форм общения, — невозможна.

Следуя утверждениям Г.В. Колшанского, можно сказать о том, что идеальность мышления означает его вторичность, но отнюдь не нематериальность и не несуществование; именно его материальное существование есть не что иное, как существование знаковое [1]. Следовательно, любая знаковая система может рассматриваться как мыслящий субъект, имеющий ту или иную степень интеллектуальной автономности. Кроме этого все мыслительные операции проходят на понятийном уровне, что свидетельствует об их знаковом характере.

Таким образом, в научной литературе вопрос о связи мышления и любой знаковой системы, будь то естественный язык или невербальные средства выражения смысла, традиционно не подвергаются сомнению.

* Рец.: д.ф.н. Л.Н. Лунькова (МГОСГИ, г. Коломна); доц. Н.В. Перфильева (РУДН).

Более углубленный и детальный анализ выводит исследователей на иные проблемы.

В.З. Панфилов в работе «Взаимодействие языка и мышления» пишет, что любая знаковая система, с одной стороны, и мышление, с другой, есть «противоречивое единство при определяющей роли мышления». Различные знаковые системы, разные уровни этих систем имеют неодинаковый характер соотношения с мышлением. Чем организационно проще знаковая система, тем более отдаленной является степень самостоятельности соответствующих подсистем [2]. Особенный интерес для нас представляет идея В.З. Панфилова об этнической составляющей оговариваемой проблематики, что приводит к необходимости еще большей дифференциации знаковых систем, в частности — языка и невербальных средств выражения смысла. В связи с этим возникает вопрос о том, как совместить с положением о единстве языка и мышления то обстоятельство, что, с психологической точки зрения, мышление имеет общечеловеческий характер, а язык — национальный? Наряду с этим невербальные средства коммуникации, как и речь, имеют ярко выраженный «национальный», а точнее, — региональный характер. Возникает еще один вопрос: каким образом реализуется тройственная связь мышления, языка/речи и невербальных средств выражения смысла?

Важное значение в разработке данных вопросов имеет работа Л.С. Выготского «Мышление и речь» [3], в которой ученый утверждает, что мышление, речь и невербальные средства выражения смысла имеют различные корни, но это не является основанием для отрицания тесной связи между ними.

Суммируя точки зрения указанных авторов, можно сделать следующие выводы, касающиеся невербальных средств коммуникации:

— в развитии мышления и невербальных средств общения имеются различные эволюционные корни того и другого процесса;

— в развитии невербальных средств коммуникации можно выделить «доинтеллектуальную стадию» (термин Л.С. Выготского) так же, как и в развитии мышления — стадию, которая не соотносится с невербальными средствами выражения смысла;

— до определенного момента и то и другое развитие идет по различным линиям, независимо одно от другого;

— в определенном стадийном пункте обе линии пересекаются, после чего мышление коррелирует с невербальными средствами коммуникации, которые, в свою очередь, становятся интеллектуальными;

— с этого же момента, по мере роста автоматизма владения традиционным жестом, линии развития мышления и невербальных средств коммуникации расходятся.

Необходимо также отметить, что стереотипные и хорошо упроченные умственные действия осуществляются без попыток жестикуляции. Но это не является основанием для отрицания тесной связи мышления, языка/речи и жеста.

При развитии мышления кодирование невербального сообщения проходит сложный путь от мысли к жестикуляции. Он начинается с возникновения мотива,

рождающего потребность что-либо передать другому человеку, мотив воплощается в замысле или мысли, которая представляет собой лишь самую общую схему невербального сообщения. Уже оформившаяся мысль, оречевляясь с помощью механизма внутренней речи, перекодируется в невербальную структуру будущей жестикуляции, которая далее разворачивается в собственно невербальное сообщение.

Переход от оречевленной мысли и формирования внутренней структуры жестикуляции — это не прямой переход с одного «языка» на другой, а переструктурирование знаковой системы, превращение смыслового и звукового строя внутренней речи в невербальные структурные формы. Точно так же, как «внутренняя речь не есть речь минус звук» [4], жестикуляция не есть внутренняя речь плюс жест. Переход от внутренней речи к жесту есть сложная динамическая трансформация: превращение предикативной и идиоматической речи в невербальное сообщение, существующее в рамках традиционной системы жестов. Можно сказать, что внутренняя речь отличается от невербального сообщения не по природе, а по степени, и дело здесь не в физической манипуляции руками и телом, это не причина, а следствие, вытекающее из природы внутренней речи. Жестикуляция есть процесс превращения мысли в жесты, ее материализация. Из этого утверждения вытекает структура внутренней речи со всеми ее отличиями от структуры жестикуляции. Как пишет Л.С. Выготский, «внутренняя речь есть мышление чистыми значениями» [3].

Развитие познавательных процессов осуществляется само по себе, а развитие невербальных средств коммуникации следует за ним и отражает его. Необходимо также отметить, что невербальные средства коммуникации часто опосредуют внутреннюю и внешнюю речь. Так, существует целый ряд мыслительных процессов, которые можно назвать доязыковыми и неязыковыми. Например, многим известен процесс поиска «нужного» слова или наиболее подходящего способа выразить свою мысль. Часто данный процесс сопровождается жестикуляцией, поэтому можно сказать, что в определенной степени жест первичен по отношению к слову [5].

В результате нейрофизиологических исследований было доказано, что язык, с помощью которого передается информация внутри человека, не соответствует и не должен соответствовать тому языку, который люди используют в общении друг с другом [6].

Иными словами, мышление реализуется не на каком-то национальном языке, а на «особом» языке, поэтому процесс понимания жестикуляции и процесс формирования смысла невербального сообщения может осуществляться не только в коде телодвижений, нормализованных национальной невербальной знаковой системой.

В связи со сказанным интересно проследить, что же происходит в голове человека, когда он жестикулирует. Чтобы организовать жестикуляцию по правилам этнической системы жестов и в соответствии со смыслом, который человек

хочет выразить, необходим специальный процесс, который происходит в механизмах головного мозга при усвоении системы невербальных средств коммуникации и опыта жестикуляции. Данный процесс должен опережать жестикуляцию, по отношению к которой он является скрытым. Внутримозговые процессы порождают жестикуляцию и сами организуются в соответствии с законами работы мозга, законами высшей нервной деятельности человека. Данные процессы имеют прямое отношение к внутренней речи, однако процессы эти не поддаются самонаблюдению, самоконтролю и самоотчету [7].

Не секрет, что до сих пор наука не подошла к эксперименту, который дал бы возможность выработать систему взглядов на механизм порождения и восприятия жестикуляции. Некоторых результатов достигли дефектологи, которые изучали механизмы порождения речи и жеста при их нарушениях, однако применить эти достижения для анализа невербальной коммуникации невозможно, поскольку природа нарушенной речи и жестикуляции имеет совершенно иные основы.

В отличие от них психологи пришли к выводу о том, что у человека есть отчетливое предвосхищение того, что он собирается сказать или выразить жестом.

Ф. Кайнц, посвятивший свой многотомный труд исследованию проблемы отношений мышления и речи, отмечает, что прежде чем человек начинает говорить, смысл должен быть уже добыт мышлением, должен уже существовать, и только в звучащем языке этот смысл получает свое полное воплощение [8]. То же можно сказать и о зарождении жеста.

Человеческое сознание обладает таким свойством, что любая мысль не привязана навсегда к какой-либо форме выражения, будь то языковая или невербальная формы. Для выражения мысли, в том числе сложных мыслей, или для ее идентификации достаточно самой минимальной невербальной формы, чтобы выразить свою мысль в целом. Особенно это характерно для ситуаций, когда коммуниканты обладают полным знанием этнической системы жестикуляции и находятся в контексте сложившейся ситуации. Именно поэтому невербальная коммуникация часто «экономнее» вербальной.

Так, если всю преднамеренно свернутую до «экономичных» жестов информацию в коммуникативной ситуации развернуть в вербальные субъектно-предикатные пропозиции, то получится абсолютно неестественный текст. Объем такого текста многократно возрастет, а сам текст приобретет монотонную форму, станет однообразным даже с точки зрения синтаксического построения. Оговоренные выше явления в целом известны давно и проанализированы на материалах вербальных текстов еще в работах Л.П. Якубинского и Е.Д. Поливанова.

Современный человек в рамках коммуникативной ситуации интуитивно легко восстанавливает «свернутое». Сворачивание же формы вовсе не означает сворачивания информации. Имплицитный смысл, непосредственно не представленный в формах реальной жестикуляции, косвенно все же заложен в этнической системе жестикуляции. Можно так же утверждать, что практически любая мысль может иметь косвенную невербальную форму выражения, на том основании, что любую

мысль можно выразить вербальным способом, который, как мы уже говорили ранее, генетически связан с невербальными средствами выражения смысла.

Таким образом, любой невербальный текст по объему смысла больше, чем это кажется исходя из его формы. И если невербальное сообщение мы рассматриваем как текст, т.е. как невербальный текст, то любое невербальное сообщение во многом мы можем рассматривать с точки зрения теории текста. В этом случае минимальным невербальным текстом можно считать жестикуляцию, несущую в себе какое-либо законченное сообщение. При этом в простом сообщении явно присутствует одна из частей, а остальные части лишь подразумеваются, будучи никак не оречевлены [9]. Следовательно, оречевляется лишь часть невербального текста, представленная явно, в жестах.

Все это подтверждает то, что процесс жестикуляции не имеет незыблемой связи с внутренним проговариванием и даже, частично, мышлением. В последнем случае можно говорить о невербальном мышлении, которое описывает в своем исследовании В.Н. Мороз [9].

Самая общая мысль, побуждающая к жестикуляции, во внутренней речи не проговаривается, так же, как внутренне не проговаривается вся мыслительная цепь, приводящая к жестикуляции, сопровождающей процесс мышления, человек как бы перескакивает через отдельные мысли. Эти «пропуски» мыслей не означают их потенциального отсутствия. «Разорванная» мысль при жестикуляции все же логична, а своими отдельными моментами она определяет весь процесс жестикуляции. Последнее как нельзя лучше иллюстрирует принцип экономии в момент невербальной коммуникации. Невозможно даже допустить полного проговаривания мыслей в момент жестикуляции, так как такое взаимодействие мышления и жеста предполагало бы неоправданное нагромождение жестов, усложнение самого процесса жестикуляции, что в итоге бы привело к полному непониманию в процессе общения, к разрушению языка жестов как средства передачи информации.

Допустить мысль о наличии постоянного внутреннего проговаривания жеста значит предположить, что человек постоянно переключает свои речедвигательные механизмы с жеста на внутреннюю речь и наоборот. В данном случае невербальная коммуникация превратилась бы в процесс преодоления сплошных препятствий: если учесть, что один жест следует за другим, один жест входит в состав другого как часть невербального текста, то даже при самом титаническом усилии человек не смог бы проговорить про себя все мысли, определяющие жестикуляцию. Из этого следует вывод о том, что далеко не все жесты нуждаются в языковой экспликации. В то же время наиболее общие мысли, порождающие невербальный текст, не могут не найти хоть какого-то отражения. Скорее всего, они воплощаются в жестикуляции лишь косвенно, присутствуя, например, в тонкостях мимики, или же вливаются в сопровождающий жестикуляцию вербальный текст.

Выводы об относительной оречевленности и об относительной последовательной осмысленности жестов могут найти поддержку в некоторых положениях классической лингвистики и психологии, которые в целом допускают факт вне-

языкового мышления. Так как умозаключения в естественном языке представлены исключительно в форме сокращенных силлогизмов, возможно поставить вопрос о том, что человеческое мышление может осуществляться вне форм естественного языка, т.е. мышление может быть невербальным, что происходит из экономии языковой материи при полном сохранении мысли. «Мысль и есть именно <...> пустота, пропуск <...> она всегда подразумевает <...>. Чем ближе я к самому себе, сворачивая витки внешней речи, тем свободнее я могу пропускать в своей внутренней речи все большие фрагменты смысла <...>. Тем больше знаний в моей внутренней речи, тем больше пустоты, молчания, не заполненного словами, тем больше смысла» [10].

Частичное оречевление невербальных средств передачи смыслов, их связь с мышлением, во многом параллельная связи мышления, внутренней речи и естественного языка, выводит на вполне закономерные вопросы о существовании или несуществовании причинно-следственных конструкций в невербальной коммуникации, — и не обязательно на уровне ясно видимых жестов, но и на уровне внутренней речи и мысли. Доказать наличие данных конструкций невербальной коммуникации довольно сложно, но еще сложнее отрицать такое наличие, поскольку сама осмысленность жестов предполагает наличие логических схем в цикле жестов, не связанных между собой явно.

На современном этапе развития науки с определенной долей уверенности можно утверждать, что в этнических системах невербальной коммуникации выкристаллизовались устойчивые модели и типы жестов, которые уже в своей видимой форме несут закономерности этнического мышления. Например, во многих этнических системах невербальной коммуникации жесты или цепи жестов замещают не подлежащие озвучению промежуточные мысли, входящие в систему речи.

Подытоживая все вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что жестикуляция как разновидность невербальных средств коммуникации, как правило, сопровождается процессом мышления, реже — внутренней речью, но обратное обязательно далеко не всегда. Мысль и жест — явления взаимозависимые и в то же время — автономные.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кошанский Г.В. О вербальности мышления // СЛЯ. — 1977. — № 1. — С. 21.
- [2] Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. — М., 1971. — С. 3.
- [3] Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 2005.
- [4] Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. — М., 1975. — С. 51.
- [5] Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. — М., 1976. — С. 170.
- [6] Прибрам К. Языки мозга. — М., 1975. — С. 15.
- [7] Ушаков Т.И. Проблемы внутренней речи в психологии и психофизиологии // Психологический журнал. — 1980. — С. 148.
- [8] Keinz F. Psychologies der Sprache. — Stuttgart, 1967. — С. 162—163.
- [9] Мороз В.Н. Мысль и предложение. — Ташкент, 1960. — С. 16—17.
- [10] Библиер В.С. Мышление как творчество. — М., 1975. — С. 375—377.

ON THE PSYCHOLOGICAL BACKGROUND OF NON-VERBAL MEANS TO RENDER THE MEANING

E.V. Talybina, E.V. Polyakova

The Department of the Russian Language
and Methods of Language Teaching
Philological Faculty
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article undertakes an attempt to analyze psychological background of a gesture as a variety of non-verbal communication, as well as its connections with language, speech and thought.

Key words: non-verbal communication, mimics, mime, sign system, communicative task, verbal language forms, behavioral norms, inner speech.

REFERENCES

- [1] *Kolshansky G.V.* O verbalnosti myshleniya // SLYa. — 1977. — № 1. — S. 21.
- [2] *Panfilov V.Z.* Vzaimootosheniye yazyka i myshleniya. — M., 1971. — S. 3.
- [3] *Vygotsky L.S.* Myshleniye i rech. — M.: Labirint, 2005.
- [4] *Luriya A.R.* Osnovnye problem neyrolingvistiki. — M., 1975. — S. 51.
- [5] *Slobin D., Grin Dzh.* Psikholingvistika. — M., 1976. — S. 170.
- [6] *Pribram K.* Yazyki mozga. — M., 1975. — S. 15.
- [7] *Ushakov T.I.* Problemy vnutrenney rechi v psikhologii I psikhofiziologii // Psikhologichesky zhurnal. — 1980. — S. 148.
- [8] *Keinz F.* Psychologies der Sprache. — Stuttgart, 1967. — S. 162—163.
- [9] *Moroz V.N.* Mysl i predlozheniye. — Tashkent, 1960. — S. 16—17.
- [10] *Bibler V.S.* Myshleniye kak tvorchestvo. — M., 1975. — S. 375—377.